

О ЗНАЧЕНИЯХ И ФУНКЦИИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ПРИ ПРЕДИКАТАХ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

АУРЕЛИЯ УСОНЕНЕ

В данной статье будут исследоваться особенности семантики предикативных выражений с глаголом SEE в сочетании с модальным CAN/COULD. Такие предикаты рассматриваются как составное глагольное сказуемое, имеющее определенное модальное значение. Прежде чем приступить к непосредственному изложению темы, скажем несколько слов о категории модальности вообще.

1.1. В лингвистической литературе ставится вопрос о разграничении различных типов модальности в языке. В плане семантики, как отмечает Ю. С. Степанов [1981, с. 238], „модальность есть нечто, что может быть описано словами „необходимо“, „возможно“, „вероятно“, „желательно“ и т. п.“ Всеми учеными признается тот факт, что основным морфологическим способом выражения модальных значений являются грамматические формы наклонений, существующие в определенном языке [Виноградов, 1950; ГСРЛЯ, 1970; LKG 1971; Ермолаева, 1977; Лухт, 1978]. Данный тип модальности рассматривается как „объективная внешняя“ модальность. Второй вид „внешней“ модальности, выражающий степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемых фактов, называется „субъективной“ модальностью. Он передается при помощи таких слов и выражений, как ‘вероятно, может быть...’. Третий тип модальности, или внутренняя модальность, которая также считается „объективной“, выражается посредством модальных глаголов типа русских ‘мочь, должен’, английских ‘can, must’ и т. п. Определяется он лингвистами несколько по-разному, напр.: „отношение субъекта действия к совершаемому им действию“ [Ермолаева, 1977, с. 98]; „отношение между субъектом-носителем признака и предикативным признаком“ [Золотова, 1973, с. 142] и т. д. Первое определение нам представляется не совсем приемлемым, поскольку не всегда предложения данного типа содержат информацию о совершении/осуществлении действия. К примеру, ‘Я могу петь’ сообщает только о потенциальной возможности субъекта совершить действие. Что касается второго определения, то в известном смысле можно сказать, что и форма наклонения

также выражает отношение между субъектом-носителем признака и предикативным признаком. А именно: 'Я пою' показывает такое отношение между субъектом и предикативным признаком, при котором субъект является действительным носителем признака в отличие от предложений 'Я могу петь' или 'Я пел бы', где субъект — потенциальный носитель признака. Вследствие этого третий тип модальности мы будем определять как такие модальные отношения, которые выражают необходимость или возможность осуществления действия, процесса и передаются, как уже отмечалось выше, посредством модальных глаголов, включаемых в состав предиката.

1.2. Кроме вопроса о разделении видов модальности, в лингвистической литературе ставится вопрос о соотношении их между собой¹. А именно: образуют ли они иерархическую структуру или же располагаются в одной плоскости. Некоторые лингвисты [Laigonaîté, 1967] все типы модальности рассматривают как равноправные члены одного порядка. Другие же [ГСРЛЯ, 1970; Золотова, 1973; Белошапкина, 1977; Ермолаева, 1977] все модальные средства языка прежде всего делят на такие, которые выражают соответствие действительности (реальность) или несоответствие (нереальность). В связи с этим решается вопрос и о том, какие модальные значения можно отнести к плану реальности, а какие к плану нереальности. Так, напр., А. М. Пешковский [1956, с. 87], на основании признака реального/нереального проводит различие между прямым, или „изъявительным“, наклонением и так называемыми косвенными (потенциальное, желательное, повелительное), сообщающими о том, что фактически не имеет места, а лишь представляется желаемым, возможным и т. п. Л. С. Ермолаева [1977, с. 99] отмечает, что „в системе наклонений реальными представляются действия, не только осуществившиеся или осуществляющиеся в определенный отрезок времени, но и действия, реальность осуществления которых возможна, желательна, необходима или же только предполагается“. В целом мы тоже придерживаемся того взгляда, что все типы модальности не могут быть расположены в одной плоскости. Представляется, что центральным в категории модальности является информация о том, как говорящий характеризует отношение содержания высказывания к действительности, т. е. как соответствующую действительности или несоответствующую действительности, что, как известно, обычно выражается с помощью грамматических наклонений. Все остальные компоненты модальных значений как бы наслаиваются на этот общий признак. Под углом зрения данного общего признака своеобразие предикатов с модальными глаголами

¹ Одновременно обсуждается объем категории модальности, в частности, вопросы, касающиеся модальности вопросительных, побудительных предложений вообще. Высказывается мнение [Ломтев, 1972; Панфилов, 1977], что включение последних в грамматическую категорию модальности не представляется возможным.

заключается, прежде всего, в том, что они указывают как бы на двойную соотнесенность с действительностью. Так, в предложении 'Он может говорить по-английски' сама возможность соответствует действительности, однако реализация предикативного признака не принадлежит к действительности. Не ясно, реализуется ли она. Такой характер соотнесенности с действительностью объясняет, по-видимому, тот факт, что в классической логике ставят их в одну линию с предложениями реальности/нереальности. На основании особой связи с действительностью предикаты с модальными глаголами мы будем называть „предикатами потенциальности“ [Селиверстова, 1982]. Они и составляют предмет данного исследования, как уже указывалось выше.

1.3. Следующий важный вопрос, который возникает при анализе предложений с модальными глаголами, могут ли последние выражать только потенциальную возможность или существуют случаи, когда сообщается о реализованной возможности, т. е. действительная связь. В последних работах, рассматривающих особенности семантики модальных глаголов, выделяются случаи их употребления для передачи информации об импликации актуализации возможности (implication of actuality [Palmer, 1979]), о „реализованной возможности“ [Селиверстова, 1982]. В какой-то степени решение этого вопроса тесно связано с проблемой абстрагированности/неабстрагированности от непосредственного протекания во времени денотатов предикативных выражений и, в частности, предикатов „класса“ [Селиверстова, 1982], не имеющих точной локализованности на оси времени. В данном случае речь пойдет о том, воспринимается ли признак, предизируемый предикатом его субъекту, как существующий в потенции или же как актуализированный/реализованный в определенный момент речи, т. е. рассматривается как объективное происшествие (objective event). Многие авторы [Close, 1962; Palmer, 1979; PEG, 1978; Гордон, Крылова, 1974] придерживаются мнения, что употребление CAN/COULD всегда влечет за собой указание на потенциальность осуществления признака, выражаемого предикатом (potentiality), но не могут указывать на актуализацию этого признака. Они допускают лишь импликацию актуализации (implication of actuality). Другие лингвисты [Sibley, 1955; Lebrun, 1965; Johannesson, 1976] считают, что иногда предикативные выражения с CAN/COULD все-таки указывают на сам акт осуществления действия, т. е. на актуализацию события. Однако, если признавать случаи импликации предикативного признака, уже тем самым нельзя отрицать, что такие высказывания не несут информации о реализации возможности. Конечно, можно утверждать, что данное значение привносится контекстом, т. е. является контекстным вариантом, а не значением модального глагола. Для дальнейшего изложения вопрос о том, следует ли говорить об особых значениях модального глагола CAN/COULD, в зависимости от того, сообщается

ли о потенциальной возможности или о возможности плюс ее фактическая реализация, является несущественным. Несомненно, однако (см. ниже приведенный материал), что предложения, содержащие этот глагол, могут передавать информацию об актуализации/реализации возможности. В частности, это характерно для предикатов CAN/COULD SEE.

2.0. Как известно, английский глагол SEE чрезвычайно часто употребляется с модальным глаголом CAN/COULD. Для других языков подобное явление не характерно. Напр., в русском, когда говорящий хочет узнать, что находится в поле зрения его собеседника, он задает вопрос: „Что ты видишь?“. Подобно этому в литовском языке — „Ką tu matai?“. Напротив, в английском языке для описания подобной ситуации выбирается предикат с CAN/COULD. А именно: “What can you see?” буквально “Что ты можешь видеть?” — “Ką tu gali matyti?”. Приведем ещё один пример. Во время морской прогулки, увидев вдаль маяк, литовец скажет: „Žiūrėk, švyturys!“ (“Смотри, маяк!”) или “Matau švyturį!” (“Вижу маяк!”). Все опрошенные нами информанты (трое англичан) в аналогичной ситуации наиболее приемлемыми вариантами считали “Look, there’s a lighthouse over there!” и “Oh, I can see a lighthouse over there!”, почти исключая употребление “Oh, I see² a lighthouse over there!” В связи с такой чрезвычайной частотностью употребления CAN/COULD с SEE, а также с HEAR, FEEL ... в лингвистической литературе обсуждается вопрос о том, сохраняет ли модальный глагол в рассматриваемых сочетаниях свое значение или же это значение исчезает. Напр., выдвигается точка зрения, согласно которой модальный глагол CAN в сочетании с так называемыми глаголами чувственного/физического восприятия SEE, HEAR, FEEL как бы теряет свою модальность, т. е. не является значимым (loses its modal value [Leech, 1971, p. 70]), либо рассматривается это как идиоматичное употребление (idiomatic use [Anscombe, 1965; Palmer, 1979]). По мнению З. Вендлера [Vendler, 1957, p. 156–157], такая эквивалентность значений высказываний I CAN SEE и I SEE является возможной лишь в случаях, когда употребляется CAN₁, имеющее в принципе значение возможности³, которая полностью зависит от внешних обстоятельств (достаточно светло, открыты глаза и т. п.). Напротив, если реализуется значение способности CAN₂, как напр., в высказывании I CAN SEE I’M NOT BLIND, то такой эквивалентности не будет. Наряду с этим

² Примеры с предикатом SEE, особенно часто встречаемые в лингвистических источниках (типа “I see an aeroplane” [Zandvoort, 1957], “I see my brother over there” [Palmer, 1974]), всеми информантами заменялись на предикаты CAN SEE.

³ Необходимо отметить, что сам автор не употребляет терминов „возможность“ и „способность“. Однако мы сочли возможным это сделать, поскольку в эти термины вкладывается в принципе то же содержание, что и в определения значений CAN₁ и CAN₂, предлагаемые З. Вендлером.

высказывается мнение, что центральным элементом в предикативных выражениях типа CAN SEE считается CAN, который выражает предикацию, указывая наклонение, имеет „дополнительное лексическое (модальное) содержание и выражает возможность выполнения действия“ [Смирницкий, 1957, с. 123]. Как подчеркивает Н.-Л Йоганссон [Johannesson, 1976, p. 48], употребление CAN/COULD всегда является значимым и тем самым указывает на присутствие каких-то обстоятельств, которые играют решающую роль при осуществлении/неосуществлении акта восприятия. Мы разделяем последнюю точку зрения и считаем, что модальный глагол CAN всегда вносит определенную дополнительную информацию в значение предиката, доказательством чего, полагаем, послужит приведенный ниже анализ. Мы также попытаемся ответить на вопрос, почему глагол SEE в английском языке так часто появляется с модальным CAN и какие существуют возможности для такого широкого употребления. Но прежде всего скажем несколько слов о значении глагола CAN.

2.1. 3. Вендлер [Vendler, 1957] обратил внимание на то, что предикаты с модальным CAN, имеющие значение способности/возможности, могут характеризовать ее как вообще соответствующую действительности, но обязательно истинную в каждый данный момент времени. Он обозначил эту информацию индексом 2 (CAN₂). Напр., предложения „Я могу съесть целый торт“ или „Aš galiu išgerti litrą pieno“ (‘Я могу выпить литр молока’) обязательно показывают, что говорящий способен осуществить указанное действие в момент речи, напр., если он только что плотно пообедал. Поэтому можно сказать: He can swim but now he has broken his leg and won't swim. Данные предикаты имеют особую соотнесенность с осью времени: „они не 'длятся', не протекают в течение того временного отрезка, с которым соотносятся, они абстрагированы от непосредственного протекания во времени, т. е. не складываются из фаз, распределенных по временному отрезку, заполняющих его целиком“ [Селиверстова, 1982]. Следует отметить, что в таких случаях не исключается реализация (R) способности/возможности и скорее всего предполагается, что когда-то она действительно имела место, т. е. была актуализирована (CAN_{2(R/R̄)}). Другое значение или, во всяком случае, вариант значения предикатов потенциальности – это способность /возможность, которая соотносится с определенной точкой на оси времени (CAN₁). В таких случаях сообщается о наличии у X-а способности/возможности, действительно существующей в указанный момент, но необязательно реализованной/актуализированной. В принципе она существует лишь в потенции, т. е. не реализовалась в прошлом, не реализуется и в момент речи (CAN_{1R}), напр.: I can go now but I don't want to. Значение не

реализованной возможности всегда имеют предикативные выражения, содержащие глаголы типа $WORK_2$ ('работать' вообще), напр.:

He can work for General Electric.

Сравните, к примеру, с высказыванием, где при использовании предиката класса, предполагается регулярная реализация предикативного признака:

He works for General Electric.

Кроме того, как уже отмечалось выше (см. 1.3), предикаты потенциальности с различными глаголами и в определенных условиях употребления могут иногда передавать информацию об актуализации/реализации возможности или способности (обозначим ее CAN_{3R}). Чаще всего это значение является контекстно обусловленным, напр.:

I was much better and $\left\{ \begin{array}{l} \text{could work for some hours (R)} \\ \text{could actually work but I didn't want to (R)} \end{array} \right.$

В качестве примера актуализированной возможности (денотат предикативного выражения имеет точную локализованность на оси времени, т. е. он существует в момент речи) мы предлагаем следующее предложение из учебника грамматики с комментарием авторов: 'We could hear someone coming upstairs': It is true that the sentence communicates to almost everybody that we actually did hear someone... [PEG, 1978, p. 64].

На основании вышеизложенного мы полагаем обоснованным выделение следующих семантических признаков, которые необходимо учитывать при определении вариантов значения для предикатов потенциальности с модальным CAN :

1) отнесенность предикативного признака к плану действительности – потенциальная/реализованная способность или возможность ($CAN_{\bar{R}}$ и CAN_R);
2) специфика соотношенности с осью времени – а) потенциальная способность/возможность, относящаяся к целому отрезку на временной оси (CAN_2); б) способность/возможность, относящаяся к определенной точке, моменту на временной оси (CAN_1); в) способность/возможность, имеющая точную локализованность на оси времени и всегда реализованная (CAN_3). Предикаты со значением способности или возможности, не связанной с данным моментом времени, очень близки предикатам класса, „обозначающим не индивидуальное действие или процесс, а класс действий/процессов, т.е. некоторое обобщение, выведенное из отдельных актов реализации, но абстрагированное от них, от реального протекания во времени. В каждый конкретный момент могут протекать только индивидуальные действия/процессы“ [Селяверстова, 1982]. Общая черта таких предикативных выражений – это абстрагированность от непосредственного протекания во времени. Для данного исследования представляется интересным остановиться на выборе тех или иных предикатов при описании денотативных ситуаций, сообщающих

о различных случаях зрительного восприятия. Прежде чем проследить соотношение употребления глагола SEE и сочетания CAN SEE и непосредственно ответить на вопрос о существующих предпосылках для более широкого использования модального CAN с глаголом SEE, рассмотрим, какую функцию выполняет и при каких условиях употребляется CAN в сочетании с другими глаголами.

2.2. Для обозначения действий / процессов, осуществляемых X-ом часто/регулярно, выбираются предикаты класса как в английском, так и в литовском языках, напр: I speak English / dance. We all breathe, drink and eat [Hornby, 1978]. Ji šoka / dainuoja. Paukščiai skraido. Если что-то считается регулярным / типичным действием / процессом для X-а, то, естественно, он может / умеет осуществить это, и, следовательно, не возникает никаких сомнений относительно его способностей. В центре внимания – информация о том, делает или не делает X и что именно он делает. Предикаты с модальным CAN выбираются только в случаях необходимости перенесения акцента на способность X-а, если кто-то, напр., сомневается и т.п. Сравните следующие примеры:

Of course he $\left\{ \begin{array}{l} \text{speaks} \\ \text{can speak} \end{array} \right.$ French but now he's too drunk to utter a word.

Высказывание, содержащее словосочетание CAN SPEAK, строится как бы на фоне отрицания способности говорить по-французски, и мы хотим подчеркнуть именно наличие способности / умения делать это. Как отмечали информанты, при произнесении такого высказывания обязательно требуется специальная интонация.

Внимание, как правило, также акцентируется на способности или возможности производить определенное действие / процесс, если он является более редким или менее регулярным по отношению к X-у, напр.:

Man can swim.

В таких случаях важнейшим элементом сообщения является вопрос о наличии / отсутствии способности / возможности. Поэтому всегда употребляется CAN. Напр., для передачи информации о том, что маленький Том „обладает способностью“ читать, т.е. умеет читать, в английском языке более естественным считается предикативное выражение CAN READ, напр.:

Our little Tom $\left\{ \begin{array}{l} \text{can read /5/} \\ \text{reads /4/3/} \end{array} \right.$ already.

Данная способность не воспринимается носителями языка как частое / регулярное явление для маленьких детей. Для описания чрезвычайно редких действий / процессов, акцентируя при этом редкие способности субъекта или класса субъектов в определенной области, выбирают предикаты потенциальности с модальным CAN, напр.: There are people who can drink a gallon of wine in one draught [Vendler, 1957].

Представляется целесообразным выделить еще одно условие, когда существует тенденция, как нам кажется, употреблять предикаты потенциальности. Несмотря на большую частотность, ситуация все же рассматривается под углом зрения способности, если для осуществления предикативного признака необходимо наличие особенного дара/усилий, преодоление каких-то трудностей и, конечно, умение. Вследствие этого встает коммуникативная цель передать информацию о способности субъекта / класса субъектов. Напр., некоторые информанты отдали предпочтение варианту BIRDS CAN FLY, а не BIRDS FLY. Модальный глагол опускался лишь тогда, когда описываемое действие приближалось к итеративному, т.е. при появлении указаний на время, место, частотность и т.д.

Birds fly up the coast of Africa in autumn [Guy Cook].

На основании изложенного выше предлагаем выделить следующие семантические признаки, определяющие выбор модального глагола CAN в речи:

1) частотность – часто / редко по отношению к X-у; а) если часто, то, как правило, предполагается регулярная реализация предикативного признака – отсюда предикат класса; б) если редко, то обычно появляются предикаты потенциальности, которые, не исключая актуализации предикативного признака, не предполагают его регулярной реализации;

2) наличие определенных усилий и затраты энергии – трудно/легко;

3) необходимость подчеркнуть способность / возможность вследствие того, что есть какие-то условия, которые, на первый взгляд, свидетельствуют об ее отсутствии.

2.3. Теперь посмотрим, как же ведет себя модальный CAN в сочетании с глаголом SEE. Выше (2.0.) мы уже говорили, что глаголы SEE, HEAR, FEEL

с модальным CAN употребляются чаще, чем другие глаголы. Это можно объяснить, на наш взгляд, следующими двумя обстоятельствами: стремлением использовать CAN для разграничения разных значений глагола SEE и тем, что вследствие особенностей лексического значения глагола SEE модальный CAN не выполняет при нем некоторые из отмеченных выше функций и, следовательно, становится менее информативен. Рассмотрим каждую из этих причин. Как известно, глагол SEE многозначен. Вслед за З. Вендлером [Vendler, 1957] многие лингвисты [Leech, 1971; Lee, 1973; Dowty, 1979] выделяют два значения: SEE₁ (соответствующее обычно литовскому MATYTI, русскому ВИДЕТЬ), обозначающее состояние (state), и SEE₂ (лит. PAMATYTI, русск. УВИДЕТЬ), рассматриваемое как имеющее значение „достижения“ (achievement) или „события“ (event). Не будем здесь останавливаться на вопросе, почему SEE не может быть отнесен к единицам, обозначающим состояние, и что мы понимаем под термином „состояние“ (см. об этом: [Усонене,

1982)). Однако мы согласны с необходимостью различения этих значений у глагола SEE. Проведенный анализ показал, что в случаях, когда реализуется значение SEE₂ (мы его относим к предикатам со значением „мгновенного процесса и его результата“ [см. Селиверстова, 1982]), появление модального CAN обычно исключается, напр.:

The girls got frightened when they $\left\{ \begin{array}{l} \text{saw} \\ \text{*could see} \end{array} \right.$ a big dog.

См. также:

If ever I $\left\{ \begin{array}{l} \text{catch sight of} \\ \text{see} \\ \text{spot} \\ \text{*can see} \end{array} \right.$ those boys in my orchard, I'll have their blood.

Было установлено, что второй важной предпосылкой для более частого употребления CAN/COULD SEE, является то, что здесь модальный глагол менее информативен. Как отмечалось выше, CAN часто используется тогда, когда описываемое явление реализуется относительно редко, т.е. оно не типично для X-а. Поэтому в таких случаях способность / возможность осуществить действие/процесс резко противопоставляется регулярному его осуществлению. Такого противопоставления нет в информации, передаваемой посредством сочетаний CAN/COULD SEE, так как если субъект обладает способностью/возможностью видеть, то, как правило, видит постоянно и регулярно. Вследствие этого появляется предпосылка для более широкого употребления словосочетания CAN SEE по сравнению с такими как CAN SPEAK ENGLISH, CAN SWIM. Выбор предикативного выражения CAN SEE здесь не означает, что данная способность является редкой по отношению к субъекту (X-у). Напротив, она типична. Так, англичане говорят:

He $\left\{ \begin{array}{l} \text{can see} \\ \text{*sees} \end{array} \right.$ he's not blind.

В литовском языке чаще всего употребляется глагол MATYTI ('видеть') без модального, т. е. предикат класса: Jis visai ne aklas, jis mato. Ниже приводятся высказывания, сообщающие о потенциальной возможности зрительного восприятия, предполагающей регулярную ее реализацию: A person can see things when his eyes are open and when his surroundings are illuminated [Ryle, 1951]. Появление модального CAN не допустимо, если центр внимания переносится со способности на способ видения, напр.: We see with our eyes [Hornby, 1978]. Способность/возможность X-а видеть здесь берется как очевидное, поэтому отнесена на задний план и все внимание акцентируется на самом способе видения для определенного класса субъектов.

Далее, если речь идет о способности/возможности справедливой для данного момента времени, то своеобразие сочетаний CAN/COULD SEE заключается в том, что здесь способность/возможность реализованная. CAN/COULD SEE, в отличие от других сочетаний, не может сообщать о нереализованной возможности. Снимается противопоставление потенциальная/реализованная возможность. Напр.: *We were many miles from the shore but still we could see it [Bruce Monk]*. Предикаты потенциальности, содержащие другие типы глаголов, не имеют значения реализованной возможности, напр.: *I could go to the cinema but I didn't want to*. Но даже в случае реализованной способности/возможности значение глагола CAN при SEE не сводится к грамматической функции. Он всегда сохраняет свое модальное значение, доказательством чего служат результаты тестирования. Несмотря на некоторое снижение информативности, CAN употребляется только тогда, когда контекст позволяет акцентировать внимание на способности/возможности осуществления „видения“, напр.:

I feel almost stunned by the heat. I can hardly see and all my feeling in my body is dulled [Lawrence 1976].

She reached for her bag and found herself another cigarette. She lit it... through the smoke she could see her lovely television set, brand new, lustrous, huge... [Dahl, 1981].

Если контекст позволяет двойную интерпретацию ситуации, т.е. предикаты CAN/COULD SEE и SEE/SAW являются взаимозаменяемыми, то информанты отмечали, что предикаты с глаголом SEE сообщают факт (fact) осуществления акта зрительного восприятия, в то время как предикаты с модальным CAN/COULD указывают либо на необходимость преодоления каких-то трудностей, либо на присутствие определенных условий, необходимых для осуществления восприятия. Иными словами, значение возможности никогда не исчезает. Так, в следующем примере SAW – fact противопоставляется COULD SEE – ability to see in spite of the high black hedges:

It was lighter there, or at least it was... perceptibly less dark. Looking up, they $\left\{ \begin{array}{l} \text{could see} \\ \text{saw} \end{array} \right.$ between the high black hedges a strip of sky and a few stars [Huxley, 1976].

Если при описании акта зрительного восприятия мы полностью игнорируем роль внешних/внутренних обстоятельств и концентрируем все внимание на факте осуществления/неосуществления „видения“, то употребляем исключительно предикат без CAN. Это так называемые предикат со значением факта:

A. *Where's my book? I can't find it.*

B. I $\left\{ \begin{array}{l} \text{saw} \\ \text{*could see} \end{array} \right.$ it on the table a minute ago.

Когда целью сообщения является информация о том, что мы конкретно видим, нет необходимости говорить о возможности. Естественно, появляются предикативные выражения без модального CAN: *Visual perception is prognostic in the sense that what one sees is of one's own construction using the stimulation of the instant...* [Encyclopaedia Britannica, vol. 23]. Обычно в таких случаях все внимание сконцентрировано на объекте „видения“. Как правило, целью сообщения является не то, что протекает в описываемый момент времени, а какие-то особенности объекта, вследствие чего высказывание содержит длинный перечень его свойств. В первую очередь, это обусловлено стилем речи. При анализе материала оказалось, что подобные высказывания чаще всего встречаются в научной литературе. Необходимость точности и полноты изложения приводит к широкому использованию сложных дополнений с рядом различных определений: *Sometimes children see desired objects as larger than undesired ones when all objects are of the same size...* [Encyclopaedia Britannica, vol. 17].

3. На основании изложенного выше считаем возможным сделать следующие выводы. Во-первых, глагол CAN не теряет своей функции модального глагола в сочетаниях с глаголом SEE. Своеобразие выражений CAN/COULD SEE заключается в том, что CAN здесь действительно не реализует некоторых признаков, свойственных ему в сочетаниях с другими глаголами. Однако это не может служить доказательством того, что CAN не значимо. В работе приводятся аргументы в пользу того, что CAN сохраняет свою функцию модального глагола и указывает на способность/возможность осуществления „видения“ (потенциальную или реализованную). Если CAN не может реализовать своего значения, его появление блокируется. Следовательно предикаты типа CAN SEE не могут быть отнесены к состояниям, поскольку единицы, обозначающие состояние, сочетаются с модальными CAN, MAY только в значении вероятности [Елисева, 1977; Селиверстова, 1982]. Во-вторых, такое широкое использование сочетаний CAN/COULD SEE в английском языке, вероятно, можно объяснить стремлением компенсировать отсутствие определенных языковых средств (отсутствие морфологически выраженной видовой оппозиции или формы Cont. у глагола SEE). CAN, конечно, не замещает прогрессива [Boyd, Thorne, 1969, p. 72: the marker of progressive aspect], но денотат предикативного выражения CAN/COULD SEE может соотноситься с отрезком на временной оси.

В заключение автор выражает благодарность зарубежным специалистам Janet Robertson, Margaret Locke, Ernest Connel, Adrian Pilkington, Bruce Monk, Guy Cook за выполнение тестов, а проректору МГПИИЯ им. М. Тореза проф. Г. В. Колшанскому и коллективу кафедры филологии английского языка Вильнюсского госуниверситета им. В. Капсукаса – за предоставленную возможность работать с иностранными преподавателями.

ON THE MEANING AND FUNCTION OF MODAL VERBS WITH
PREDICATES OF SEEING IN ENGLISH

A. USONIENĖ

Summary

The meaning of the predicates CAN/COULD+a verb of sense perception has been the object of considerable argument among linguists. It is generally assumed that the auxiliary CAN in such cases "loses its modal value" and functions as a marker of progressive aspect or denotes a state. We share the alternative view according to which the presence of CAN/COULD is always meaningful and it conveys some additional information. An attempt has been made to establish a distinction between the utterances containing CAN/COULD SEE that express (1) potential ability/possibility of visual perception and (2) actualized (realization of) ability or possibility of visual perception. It is to be noted that this serves as an additional proof that SEE is not stative.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белошапкина, 1977 — Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1977.
- Виноградов, 1950 — Виноградов В. В. О категории модальности и модальных слов в русском языке. — В кн.: Тр. ин-та русского языка АН СССР. М. — Л., 1950, т. 2, с. 38 — 79.
- ГСРЛЯ, 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М., 1970.
- Гордон, Крылова, 1974 — Гордон Е. М., Крылова И. П. Грамматика современного английского языка. — М., 1974.
- Елисеева, 1977 — Елисеева А. Г. Семантический анализ языковых единиц, противопоставляемых по признаку действие—состояние. — М., 1977.
- Ермолаева, 1977 — Ермолаева Л. С. Типология системы наклонений в современных германских языках. — ВЯ, 1977, № 4, с. 97—106.
- Золотова, 1973 — Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М., 1973.
- Ломтев, 1972 — Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. — М., 1972, гл. 2,3.
- Лухт, 1978 — Лухт Н. В. Глагол. — В кн.: Семантико-грамматические исследования романских языков. М., 1978, с. 98—123.
- Панфилов, 1977 — Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения. — ВЯ, 1977, № 4, с. 37—48.
- Пешковский, 1956 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956.
- Селиверстова, 1982 — Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. — М., 1982.
- Смирницкий, 1957 — Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. — М., 1957.
- Степанов, 1981 — Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. — М., 1981.
- Усонене, 1982 — Усонене А. Понятие стивности и глагол "see". — Kalbotyra, 1982, sąs. 33(3).
- Anscombe, 1965 — Anscombe G. E. M. The Intentionality of Sensation: a Grammatical Feature. — In: Analytical Philosophy. 2nd ser. / Ed. by R. J. Butler. Oxford: Blackwell, 1965, p. 158—180.

Boyd, Thorne, 1969 – Boyd J., Thorne J. P. The Semantics of Modal Verbs. – Journal of Linguistics, 1969, vol. 5, N 1, p. 57–74.

Close, 1962 – Close R. A. English as Foreign Language: Grammar and Syntax for Teachers and Advanced Students. – Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1962.

Dahl, 1981 – Dahl R. Kiss Kiss. – Penguin Books Ltd, 1981.

Dowty, 1979 – Dowty D. Word Order and Montague Grammar: The Semantics of Verbs a. Times in Generative Semantics a. in Montague's PTQ. – Dordrecht–London: D. Reidel Publishing Co., 1979.

Encyclopaedia Britannica – Encyclopaedia Britannica. – Chicago–London–Sydney: William Benton Publisher, Inc., vol. 17; vol. 23.

Hornby, 1978 – Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford Univ. Press, 1978.

Huxley, 1976 – Huxley A. Crome Yellow. – Moscow: Progress Publishers, 1976.

Johannesson, 1976 – Johannesson N. -L. The English Modal Auxiliaries: a Stratificational Account. – Stockholm: Almqvist Wiksell Intern., 1976.

Laigonaitė, 1967 – Laigonaitė A. Modalumo kategorija ir modaliniai žodžiai dabartinėje lietuvių kalboje. – V., 1967.

Lawrence, 1976 – Lawrence D. H. The Trespasser. – Penguin Books Ltd, 1976.

Lebrun, 1965 – Lebrun Y. 'Can' and 'May' in Present Day English. – Bruxelles: Presses Univ. de Bruxelles, 1965.

Lee, 1973 – Lee D. A. "Stative" and Case Grammar. – Foundations of Language, 1973, vol. 10, N 4, p. 545–568.

Leech, 1971 – Leech G. N. Meaning and the English Verb. – London: Longmans, 1971

LKG, 1971 – Lietuvių kalbos gramatika / Vyr. red. K. Ulvydas. – V., 1971.

Palmer, 1974 – Palmer F. R. The English Verb. – London: Longmans, 1974.

Palmer, 1979 – Palmer F. R. Modality and the English Modals. – London–N. Y.: Longmans, 1979.

PEG, 1978 – A Practical English Grammar. – Moscow, 1978.

Ryle, 1951 – Ryle G. The Concept of Mind. – London–Cape Town: Hutchinson House, 1951.

Sibley, 1955 – Sibley F. N. Seeking, Scrutinizing and Seeing. – Mind, 1955, vol. 64, N 256, p. 455–478.

Vendler, 1957 – Vendler Z. Verbs and Times. – Philosophical Review, 1957, vol. 66, N 2, p. 143–160.

Zandvoort, 1957 – Zandvoort R. W. A Handbook of English Grammar. – London–N. Y.–Toronto: Longmans, Green and Co., 1957.

Институт языкознания
АН СССР

Вручено
в январе 1982 г.